

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 291.1

**Философско-педагогические взгляды патриарха
Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева)***Л. Е. Шапошников*

Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина (Мининский университет),
Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

Для цитирования: *Шапошников Л. Е.* Философско-педагогические взгляды патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 2. С. 338–351. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.212>

В статье анализируются историко-философские взгляды патриарха Кирилла и оценка им современной западной философии, которая сформировалась в эпоху постмодерна. Отличительной особенностью этого течения является размывание критериев, определяющих границу между добром и злом. Патриарх отмечает, что данные установки связаны с абсолютизацией человеческой свободы, рассматриваемой вне контекста ответственности индивида за свои поступки. В результате философия либерализма оправдывает отказ от христианских заповедей, ибо они подавляют свободу личности. Предстоятель Русской православной церкви подчеркивает важность сохранения «христианского измерения» человека, поскольку оно обеспечивает объективность оценки его поведения. Специально рассматривается отношение предстоятеля к отечественной философской традиции: она оценивается им как важное средство сохранения национальной идентичности. Представители русского религиозного ренессанса (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский и др.), размышляя об актуальных проблемах, связанных с пониманием Церкви, общества, личности, смогли ответить на «вызовы времени» и удовлетворить «вопросания» верующих. В работе уделяется внимание позиции патриарха по вопросам образования, оценке им реформ в этой сфере. Эти новации должны опираться на отечественные традиции, среди которых и фундаментальность образования. Поэтому, внедряя ЕГЭ как универсальную систему оценки знаний учащихся, педагоги должны так скорректировать учебные планы, чтобы сохранялась необходимость овладения базисными знаниями. Не приемлет глава Церкви и технократический подход к образованию, так как цель при этом сводится лишь к формированию навыков, необходимых для трудовой деятельности. Он соглашается с тем, что выпускник школы должен обладать определенными компетенциями, связанными с его

будущей практической деятельностью, но все-таки он должен знать и отечественную историю, и русскую литературу и культуру. Отмечается стремление предстоятеля РПЦ обосновать необходимость сохранения единства образования и воспитания как специфической черты русского просвещения.

Ключевые слова: традиция, философия, либерализм, церковь, образование, воспитание, учитель, реформа, национальный.

Патриарх Кирилл является всесторонне образованным человеком, отсюда высокое качество его проповедей, интервью и статей. Широта интересов предстоятеля вызывает уважение, в то же время можно выделить ряд доминантных тем его творчества: к ним относятся и вопросы философии, и проблемы педагогики и образования в целом.

Фундаментальным противоречием нашей эпохи, по мнению патриарха, является «противоречие либеральных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национально-культурной идентичности — с другой». Дискуссия по этому вопросу предполагает использование философской методологии, которая концентрируется «на уровне обсуждения проблем личности и современного общества в целом» [1, с. 373]. Одним из универсальных методов философского анализа является диалектика. Патриарх замечает по этому поводу: «Всемирно известна гегелевская триада: тезис — антитезис — синтез. Диалектическая философия равно приемлема и продуктивна... для религиозного сознания» [2, с. 75]. При этом особое внимание обращается на синтез, так как именно он «жизнеспособен, устойчив и продуктивен». Исходя из этих установок анализируется и философская, и образовательная тематика.

Патриарх Кирилл неоднократно в своем творчестве обращается к историко-философской проблематике. Особое значение в становлении христианской мысли принадлежит патристике, в которой, с его точки зрения, можно выделить два различных подхода к языческой мудрости. У одних святых отцов проявлялась реакция, которая заключалась «в монашеском дистанцировании от мира». В этом случае монашеский опыт ставился на службу «духовному преображению мира». У других (причем таких выдающихся, как Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов и др.) наблюдалось стремление «овладеть внешней мудростью и культурой». Это «овладение» преследовало цель «поставить достижения человеческого разума на службу христианству и церкви». Этот путь воцерковления философии и культуры, как считает патриарх Кирилл, «привел к успеху». По его мнению, в русской православной традиции «эти два способа отношения христиан с миром были восприняты как равноправные», что выразилось в канонизации Нила Сорского, лидера «нестяжателей», и Иосифа Волоцкого — главы «иосифлян» [1, с. 144].

Однако философия патристики уступает место схоластике, и в XVII в. произошла ее «пересадка на русскую почву». Но она не отвечала церковным потребностям и «не была для России XVII в. явлением исторически органичным» [1, с. 246]. В силу этого появился разрыв «между богословием и благочестием, между духовной школой и церковной жизнью». Уже с конца XVIII в. наиболее дальновидные представители церкви начинают осознавать необходимость преодоления этого разрыва, а в XIX в. эта тенденция становится ведущей. Причем особая роль в сближении православия с жизнью, по мысли патриарха Кирилла, принадлежит

представителям светского богословия. Он называет имена известных философов: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров и Ф. М. Достоевский. Они оказались «наиболее яркими и убедительными выразителями религиозной мысли», так как не были жестко связаны с цензурой, «строго контролировавшей все официальные высказывания церковных богословов и иерархов». Несмотря на имеющиеся среди светских богословов «различия и противоречия», они «образовали единую традицию русской религиозной философии, значительно отличавшуюся от школьного богословия» [1, с. 304]. Это отличие заключалось прежде всего в их отношении к анализу религиозного опыта и в стремлении «выяснить истину через такой анализ». Опыт церковного бытия можно познать только «жизненно», и поэтому неслучайно «появление в русской религиозной философии историософской темы о призвании России, о ее судьбе» [1, с. 304].

Особая роль в осмыслении историософской проблематики принадлежит славянофилам. Они обратили внимание на расхождение «между внешней приверженностью православию и фактическим развоцерковлением повседневной жизни различных слоев общества». Причем русские мыслители не только констатировали этот факт, но «на философском уровне они указали необходимые условия для духовного возрождения России» [1, с. 212]. При этом патриарх специально подчеркивает, что эти «условия» не сводились к простым призывам к «возвращению допетровской Руси», напротив, славянофилы были «самыми объективными критиками существовавшей тогда реальности». Но, критикуя эту реальность, А. С. Хомяков и И. В. Киреевский отмечали проявления соборных начал в допетровскую эпоху, поскольку на «почве церковного соборного мышления в России возникли практики созыва Земских соборов». Следовательно, принцип «единства во множестве» не является «специфически религиозным явлением, но охватывает и социальную, и политическую жизнь». При этом патриарх подчеркивает, что соборность «не равночестна парламентаризму и коллективизму», которые затрагивают лишь «поверхностные проявления человеческого взаимодействия». Она выступает критерием межличностных отношений, определяющихся прежде всего внутренними, духовными качествами человека. В силу этого соборность «включает всю совокупность принципов социального устройства, механизмов принятия решений и духовных основ общества» [1, с. 406].

Однако по мере бюрократизации церковной и государственной жизни соборные начала все более подавлялись, вследствие чего Россия утрачивала свои самобытные черты. И русские мыслители прежде всего пытались на философском уровне понять, почему развитие нашего отечества приводило к разрушению «цельности русского человека». В связи с этим ими предлагалась программа восстановления отечественных традиций, опирающаяся на «устроение русского человека как цельной природы», что проявляется в особых принципах, действующих и в личной, и в социальной жизни. В результате реализации этих установок «в деятельности личности и в политике государства» должна произойти гармонизация «религиозных и национальных начал» [1, с. 212]. Вслед за славянофильской философией истории предстоятель Церкви особое внимание уделяет традиции.

Он определяет традицию как «способ сохранения и передачи ценностей из поколения в поколение» [3, с. 20]. Однако заблуждаются те, кто сводит традицию к простому воспроизводству всего того, что «принадлежало прошлому». В исто-

рии, «живя и работая», человек создает «много ненужного», которое не следует сохранять.

Следовательно, традиция связана с сохранением подлинных ценностей, которые составляют «принципиальные основания жизни личности и общества». В то же время попытки «разрушить все до основания, в том числе сломать традицию», не раз встречались в мировой истории, об этом свидетельствует и опыт России. Но эти действия не приводят к позитивному результату, более того, они «ставят нацию на грань духовной катастрофы».

Россия, с одной стороны, является частью европейской цивилизации, духовные традиции которой формировались под воздействием античного наследия и библейского Откровения. Своеобразие же русской истории проявлялось в том, что она соединяла европейское культурное и интеллектуальное наследие с православной духовностью и славянским мироощущением». В силу этого Россия не просто транслировала западный опыт, а стремилась «бережно охранять свою славянскую самобытность».

В современных условиях, в период глобализации, особенно остро встает вопрос о путях развития нашей страны. Достаточно влиятельной силой в нашем обществе являются современные западники, т. е. сторонники «европейского пути развития», к которым относятся и модернистски настроенные богословы. Оценивая это направление, патриарх Кирилл справедливо отметил, что оно, как правило, имеет в виду «подражание и воспроизводство западных политических и культурных моделей». Подражание может быть плохим или более или менее хорошим, но оно всегда уступает первооснове, так как «в нем отсутствует оригинальное начало, подлинное авторство». Поэтому с такой точки зрения, близкой славянофилам, «строить цивилизацию на основе подражания означает детерминировать развитие таким образом, что оно в принципе будет отставать от тех, кто рождал и рождает подлинник» [3, с. 21].

Тенденции на «подражание и копирование» тем более опасны, что в «русской истории есть специфические черты», одна из которых — стремление «воплотить в свою жизнь все те идеи, что приходят к нам извне». Патриарх Кирилл, солидаризируясь со славянофилами, неоднократно предупреждал об опасности некритичного отношения к чужому опыту. Более того, по его мнению, даже понятие независимости страны «сохраняется до тех пор, пока народ имеет способность, основываясь на своих собственных ценностях, формировать государственное устройство, законы, обычаи, передавать доставшиеся ему ценности из поколения в поколение» [4, с. 17–18].

Следовательно, органическое развитие России должно строиться на собственном «прочном историческом фундаменте».

Однако не только славянофилы, как мы уже отмечали, представляли самобытную русскую философию. Здесь и мыслители, развивающие их идеи (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Н. Н. Страхов), и философы Серебряного века. Они, преодолевая схоластические установки, разработали новую форму исследования религиозной сферы. В результате этих поисков, по мнению патриарха, была создана новая методология, которая «наиболее контрастно отличается от методов старой школы» [1, с. 305]. Религиозные светские мыслители обращались в своем творчестве не только к богословско-философским кругам, но и к интеллигенции в целом, отсюда

и «публицистическая направленность этой философии» [1, с. 304]. В начале XX в. появляются религиозно-философские собрания, на которых начинается диалог между интеллигенцией и священнослужителями. Даже публикуются выдающиеся богословские и философские труды, в которых нашла отражение «культурная реальность своего времени». Однако это случилось «слишком поздно», когда уже было невозможно остановить «революционную катастрофу».

Самобытная отечественная философия не ограничивалась только рамками XIX и начала XX в.: после революции в эмиграции русские мыслители образовали «Парижскую школу». Причем патриарх подчеркивает, что она «не только питалась отечественными истоками, но творилась людьми, всегда сознававшими себя частью Русской Церкви» [1, с. 308]. Блестящие представители этого течения, несмотря на «различие их интересов», обладали способностью «строить умозрительную богословскую концепцию на основе анализа исторического опыта». В силу этого они не только сумели сохранить традицию русской религиозной философии, но и оказали существенное влияние на западную христианскую мысль.

Напомним, что среди представителей «Парижской школы» были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и ряд других мыслителей, творчество которых получило неоднозначную характеристику в церковной среде. Однако в оценке предстоятеля Русской православной церкви какого-либо осуждения их взглядов не содержится, а делается акцент на то, что деятельность этой школы внесла «весьма существенный вклад в дальнейшее развитие русского богословия» [1, с. 308].

Правда, в ряде выступлений и статей патриарх Кирилл неоднократно отмечал, что «не все труды православных богословов, пастырей, философов, ученых (по отдельным трудным и спорным проблемам) отражают общецерковную точку зрения. Нередко они выражают частные богословские мнения (порой диаметрально противоположные)» [1, с. 44]. Но все-таки следует отметить, что глава Церкви стремится избегать негативных суждений в адрес представителей русской религиозной философии. Он, напротив, желает подчеркнуть их позитивную роль: так, В. С. Соловьев, отец Сергей Булгаков, отец Павел Флоренский характеризуются им как «выдающиеся философы России» [1, с. 405]. Более того, с его точки зрения, само возникновение философии Серебряного века «является доказательством самобытного творческого начала нашей цивилизации, способной предложить свой взгляд на мир, сказать человеку свое слово». Поэтому не случайно «корпус этой замечательной религиозной философии» востребован и сегодняшними мыслителями и политическими деятелями [5, с. 34–35].

Много внимания патриарх Кирилл уделяет рассмотрению западноевропейской философской традиции, особенно истории европейской мысли эпохи Просвещения и ее последующему развитию. По его мнению, «люди, знакомые с историей философии, хорошо осведомлены» о специфике философии Просвещения, которая обосновывала и развивала «так называемую либеральную идею». Последняя боролась против «несвободы человеческой личности», закабаления человека «структурами и институтами государства, социальным устройством, общественными предрассудками и условностями». Главным лозунгом этой философии стала идея свободы индивидуума, ибо он есть «абсолютная и конечная ценность». Вместо теоцентризма появился антропоцентризм, опирающийся на «светский гуманизм, в основу которого была положена атеистическая идея» [1, с. 19]. При этом проис-

ходит деформация ценностной ориентации: на первый план выходят «вещные ценности», происходит «подмена целей жизни средствами». Эти установки получили, по мнению патриарха Кирилла, «соответствующие философские обобщения». Они основывались на оптимистическом взгляде на человека: он «способен безгранично развиваться, развивать и совершенствовать окружающий его мир» [1, с. 340]. Однако вскоре стало очевидно, что «мир не располагает безграничными ресурсами», а сам научно-технический прогресс имеет не только позитивные, но и негативные стороны. Вследствие этого просветительская философия вступила в полосу кризиса, хотя попытки «устроиться в мире без Бога» продолжались.

С середины XIX в. все заметнее становится роль науки как в личной, так и в социальной сфере, и данная тенденция не могла не отразиться в новых философских идеях — появляется позитивизм. Объявив единственным универсальным средством познания опыт, он начинает признавать реально существующим лишь то, что «можно показать, пощупать, что подвергается испытанию нашими чувствами». При этом особо подчеркивается значение рассудочных построений в познании, так как опытные данные «можно рационально описать». Торжество этой позитивистской идеи, как считает председатель РПЦ, привело к тому, что «началось постепенное вытеснение веры из сознания людей и жизни общества» [6, с. 507]. Однако человечество не могло обойтись без решения основных мировоззренческих проблем, именно поэтому в результате «общий культурный контекст», благодаря которому появился позитивизм, не просто не приводит к развитию мысли, а, напротив, «заводит эту мысль в тупик».

Другой формой философии, противостоящей религии, был марксизм, претендовавший на соединение экономического прогресса с социальной справедливостью. Марксистская философия также исходит из идеи «безграничного развития» личности и социума. Она, как считает патриарх, была уникальна, поскольку стремилась ответить «на все вопросы бытия — от возникновения мира до эсхатологии». Основоположники марксизма были правы, когда сформулировали главную мировоззренческую проблему: что «первично — материя или дух?», — назвав ее «основным вопросом философии». От решения этой задачи зависят «полнота вашей жизни, целостность личности, общества и судьба всей человеческой цивилизации» [6, с. 394]. Марксистская философия заявила, что она находится на позиции материалистического монизма, который позволяет познать истину «в последней инстанции» и претендовать на то, что эта концепция — «единственно правильная и научно обоснованная». Однако замена «абсолютных критериев» в оценке человека и общества на социально-экономические характеристики показала свою несостоятельность. Призывы марксистской философии следовать «истинным установкам», т. е. руководствоваться ими в деятельности с целью обретения «вселенской гармонии», моментально обесценились, когда «упали государственные “подпорки”, ее поддерживающие». Крушение этой идеологии, с точки зрения патриарха Кирилла, убедительно доказало, что «жизнь всегда восстает против схемы и всегда побеждает». Внутренний мир человека, его духовная субстанция не поддаются программированию, поэтому детерминировать «поведение людей посредством готовых и навязываемых извне мировоззренческих клише невозможно в принципе» [1, с. 27].

В современном западном мире самым популярным философским течением, как считает патриарх, является философия постмодерна. Для нее «характерно от-

рицание какой-либо идеологии и единого мировоззрения». В результате в рамках этого течения возникает «совместимость несовместимых между собой взглядов и позиций» [1, с. 485]. Положения, выводы постмодерна не опираются на объективные критерии, связанные с религиозной, научной и философской традициями, а базируются на субъективных оценках и мнениях. Подвергая сомнению «фундаментальные, непреложные» основы человеческой жизни и «универсальные нормы морали», современная европейская мысль интерпретирует их в духе постмодерна. Более того, европейская элита считает справедливым, а значит, нравственным только то, что «находится во взаимодействии с новыми господствующими философскими и политическими установками» [5, с. 81]. Любое несогласие с этими положениями подвергается «всяческому порицанию», вплоть до судебного преследования. Либеральная идея о приоритете свободы получает в постмодернизме дальнейшее развитие: он только индивидуальную свободу считает «абсолютной ценностью». Такое положение дел, по мысли патриарха, свидетельствует о глубоком кризисе западной цивилизации, так как «абсолютизация свободы выбора в отрыве от нравственных установок смертельно опасна для человека и общества, потому что выбрать-то можно зло» [5, с. 83].

Еще одной опасностью, связанной с распространением постмодернистской философии, является предлагаемая ею оценка истории. В связи с этим патриарх Кирилл особо отмечает несостоятельность подхода этого течения к прошлому, сводящего его понимание к «историческому комментарию». В результате получается следующее: «сколько голов, столько комментариев», и даже такая «незыблемая истина», как победа нашего народа в Великой Отечественной войне, искажается теми, кто потерял «чувство реальной ответственности» [7, с. 32]. Отказ от адекватных оценок прошлого может иметь очень тяжелые последствия, вплоть до потери «духовной, этнической и культурной идентичности».

Предстоятеля церкви также беспокоит «подозрительное совпадение» нового понимания морали в западных «христианских кругах с распространением парадигмы постмодерна в секулярном обществе» [1, с. 485]. И в этой связи он обращается к теме взаимоотношений христианства и философии. Ярким положительным примером этого взаимодействия были отцы-каппадокийцы, которые сумели использовать «светские языческие категории философского мышления для того, чтобы выразить христианские идеи». При этом богословские построения не искажались, так как философские идеи не подменяли религиозные положения, а заимствовался лишь «инструментарий, посредством которого выражались глубочайшие истины христианства» [6, с. 132]. В западном богословии с конца 90-х годов XX в. не просто начинается процесс взаимодействия с современной философией, но оно «попадает в плен светской мысли». В результате происходит «диффузия, проникновение светских идей в ткань богословской мысли — и настолько глубокое, что на “выходе” появляется очень недоброкачественный продукт» [6, с. 133]. Его ущербность проявляется прежде всего в утверждении права каждого человека создавать «собственную систему ценностей». В результате стираются «различия между грехом и святостью», а вместо выбора между добром и злом постмодернистская цивилизация провозглашает «плюрализм мнений». Поэтому вывод патриарха Кирилла однозначен: «...категорически нельзя заимствовать философские идеи, чуждые Божественному Откровению» [6, с. 136]. Иными словами, не всякая философия мо-

жет быть полезна для православия, а лишь та, которая не разрушает связь человека с трансцендентным.

Проблемы образования и воспитания — одна из доминантных тем как в творчестве патриарха, так и в его практической деятельности. Он неоднократно отмечал, что, занимая в течение десяти лет должность ректора Ленинградской духовной академии, был тесно связан с образовательным процессом. С его точки зрения, в современном обществе значительно возрастает роль просвещения, а потому «по этой теме разворачивается острая дискуссия». На взгляд главы церкви, сегодня существуют два основных подхода к пониманию задач образования. Первый — «прагматический, или технократический», — ориентирует школу «на преподавание практических знаний и навыков», которые соответствуют потребностям экономики. Все остальные задачи школы считаются малозначимыми, а то и просто ненужными. В том числе и вопросы, связанные с духовно-нравственным воспитанием, с формированием у учащихся гражданской позиции. Второй подход патриарха обозначает как «интегральный, или холистический». Он не отрицает необходимости готовить учеников к практической деятельности, но при этом настаивает «на необходимости формирования целостной и ценностно ориентированной личности». Эта установка согласуется «с церковным взглядом на образование», но она «с трудом пробивает себе дорогу» [1, с. 148]. Однако и в обществе, и во властных структурах растет понимание того, что школа должна не только помогать учащемуся в обретении квалификации как «трудовой единице», но и стремиться развивать его «мировоззренческое сознание», с тем чтобы он стал «полноценным членом общества, гражданином страны, сознательным носителем родной культуры и традиции» [1, с. 148].

Либерально ориентированные круги пытаются доказать, что целенаправленное формирование ценностной ориентации молодого поколения сопровождается насилием «над личностью учащегося, ущемлением его свободы». Школьники, согласно установкам ситуационной этики, в праве «самостоятельно делать нравственный и мировоззренческий выбор». Предстоятель справедливо замечает, что подобный подход «может привести только к одному результату — господству морального релятивизма, т. е. к состоянию, когда все позволено» [1, с. 149]. Данная ситуация особенно опасна в эпоху постмодерна, так как существенное влияние на поведение людей оказывает не идеология и даже «не определенные философские воззрения», а «поведенческие и эстетические стандарты». Они усваиваются молодыми людьми — благодаря моде, рекламе, электронным СМИ — некритично, и поэтому не только не обогащают внутренний мир человека, но «чаще они бывают, наоборот, разрушительными». В связи с этим понятно, что без помощи школы молодой человек не сможет «научиться преодолевать соблазны эпохи постмодерна» [1, с. 137]. Но школьное воспитание не должно сводиться к до сих пор распространенному педагогическому методу, а именно «к всевозможным запретам». Из этого тезиса патриарха не вытекает вывод о том, что он выступает против «ограничительных и охранительных» методов воздействия на учащихся (они должны присутствовать), но их нельзя делать основными. Все дело в том, что данный вектор воспитания малопродуктивен, так как вызывает ответную негативную реакцию подрастающего поколения. Педагогический опыт убеждает: «...бездумные запреты естественным образом провоцируют упорное стремление поступать наперекор» [1, с. 27].

Позитивный путь воздействия на ребенка — это раскрытие потенциала личности, связанное и с получением новых знаний, и с формированием гражданской позиции и традиционных для России духовно-нравственных качеств.

При этом глава церкви предупреждает педагогов еще об одной опасности, присутствующей в образовательной сфере. В школьной среде иногда сложный процесс выработки убеждений у учащихся подменяется «методом вдалбливания прописных истин». Однако опыт советского периода показал ошибочность данных установок: они не приводят к утверждению «положительного идеала в сознании человека» [1, с. 27].

Важным средством воспитательного воздействия на подрастающее поколение является изучение гуманитарных дисциплин. Причем необходимо по этим направлениям давать «базисные знания», а не «уходить в подробности»: именно эти знания станут основой, которая «будет сопровождать выпускника на протяжении всей его жизни» [5, с. 381].

К тому же в условиях информационного общества все большее распространение получает убеждение, что для современного индивида «овладение технологиями» является главным, а гуманитарное образование — это нечто второстепенное. Поэтому в «особый список риска попадают науки и знания, отсылающие... человека к прошлым эпохам и его корням» [8, с. 39]. Недооценка гуманитарного знания, релятивизм в области истории приводят к искажению аксиологических установок личности, а ведь именно «от того, что мы называем ценностями, и зависит расстановка событий по шкале» [9, с. 26]. Следовательно, Церковь и государство, заинтересованные в стабильном и поступательном развитии России, должны стремиться «утвердить в обществе и уважение к нашей истории». Однако достижение этой цели — очень непростой процесс, требующий активизации и объединения всех россиян, которым небезразлична судьба Отечества. Сохранение исторической памяти особенно важно для молодежи в период радикальных преобразований, которые переживает Россия.

В то же время в 90-е годы XX в. в школе под видом «преодоления советских штампов» во многих учебниках по истории начинает пропагандироваться «очень опасное нигилистическое отношение к собственному прошлому». В результате был нанесен громадный урон делу воспитания «гражданственности, чувства патриотизма». Поэтому патриарх поддержал предложение о создании единого подхода к изучению прошлого, и Церковь «приняла активное участие в формировании концепции этого учебника». Причем патриарх Кирилл подчеркнул: «...многое из предложенного нами было учтено» [6, с. 382]. Суть анализируемой концепции состояла в «сбалансированном подходе к нашей истории», чтобы, с одной стороны, избежать очернения и принижения отечественного прошлого, а с другой — не впасть в его идеализацию и романтизацию. Главная цель изучения истории — преодоление «искаженного взгляда» на нее с тем, чтобы «сформировать у учащихся чувство любви к Родине». Предстоятель церкви неоднократно подчеркивал, что «история не только воспитывает в людях чувство уважения к прошлому», но и — главное — «помогает сохранить свою причастность к общему историческому процессу, осознать свою ответственность за судьбу Отечества» [6, с. 562]. Иными словами, преподавание истории является важнейшим средством сохранения национальной идентичности.

Идеология (в советском смысле слова) как учение, регламентирующее все сферы духовной жизни, по мнению патриарха, не нужна и даже вредна. Но в то же время воспитывать детей надо «в определенной системе ценностей», которые «вырастают из нашей духовной традиции». Более того, если социализация подростка происходит вне рамок традиции, у него притупляется способность отличать добро от зла; кроме того, он может легко попасть под влияние постмодернистских установок о том, что «нет никаких объективных истин» и лишь «твоя собственная идея и является для тебя абсолютной истиной» [6, с. 383].

Другой важнейшей для формирования личности дисциплиной школьного цикла «в традиционной системе координат» является русский язык. Вообще значению языка в духовной сфере патриарх отводит существенную роль. С его точки зрения, «богословие, философия и языки — вот три фундаментальные дисциплины, на которых выросла вся европейская и мировая образовательная система» [6, с. 397]. Национальный язык и письменность являются не только важнейшей предпосылкой формирования государства, но и необходимым условием «национального суверенитета». Народы, не имеющие развитого языка и письменности, «быстро сходят с исторической арены, растворяясь в более сильной языковой и, соответственно, культурной среде».

Но не только языки малых этносов исчезают — в последнее время оказывается мощное давление и на русский язык, прежде всего «со стороны так называемых “универсальных” языков — в первую очередь английского». Данное явление, по мнению главы Церкви, проявляется прежде всего в том, что «на русский язык обрушилась целая лавина заимствований, целесообразность которых находится под большим вопросом». Особенно влиянию этой тенденции подвержена молодежь, поскольку это дань «модным трендам». И хотя такие заимствования «относятся преимущественно к бытовой сфере», из этого не следует, что они безобидны. Патриарх Кирилл справедливо отмечает их влияние «на внутренний мир человека». Дело в том, что «язык, его строй и звучание, как генетический код человека, как звуковой обертон, незримо несет в себе информацию, оказывающую воздействие на душевное и духовное устройство личности» [6, с. 472].

В связи с этим понятно, что школа должна давать базовые знания по русскому языку и литературе — без этих важнейших составляющих гуманитарного знания мы не сможем сохранить наше самобытное культурное наследие и нашу национальную идентичность.

Наконец, еще одна учебная дисциплина, обладающая большим воспитательным воздействием на школьников, — это «преподавание знаний о религии», куда входит знакомство с особенностями и традициями основных конфессий России. Введение преподавания «Основ религиозной культуры и светской этики» проходило очень непросто, так как часть общества была по отношению к этому процессу настроена негативно. Эти люди под лозунгом защиты светского характера образования требуют «оградить школу от религиозных знаний», поскольку трактуют светскость в атеистическом ключе, как явление, антагонистическое религии. Подобный подход является отголоском советского прошлого, когда школе предписывалось формировать у учащихся атеистические убеждения. Патриарх Кирилл справедливо утверждает, что данные установки неприемлемы, так как светскость с самого возникновения этого понятия трактовалась как «отказ от власти духовен-

ства в обществе, и никакого другого смысла в этом понятии нет» [6, с. 300]. Исходя из такого понимания, Церковь не должна «вмешиваться в систему современного светского образования». Однако это не означает, что она не может сотрудничать со школой в сфере просвещения. Приобщение к отечественным духовным традициям, к самобытной культуре, сохранение исторической памяти, воспитание нравственных качеств и формирование чувства патриотизма будут неполными и даже в чем-то неэффективными без обращения к истории религии, без анализа роли религиозного фактора как в индивидуальной, так и в социальной сфере. Поэтому исключение из школьных программ «теологического элемента» может нанести «ущерб качеству образования». В силу этого предстоятель считает недопустимыми в современных условиях «намеренную дехристианизацию системы образования, навязывание учащимся антирелигиозных и антихристианских идей» [1, с. 59].

Отношение к изучению религиозного компонента в светских учебных заведениях со стороны церкви должно быть максимально серьезным. Предстоятель напоминает, что в «дореволюционной России Закон Божий преподавался во всех школах». Однако эффективность его изучения была очень низкой, так как он «был самым неинтересным предметом». Дети к изучению Закона Божия относились формально, поэтому «не сумели сделать веру достоянием своей жизни». Так что, несмотря на широкое распространение религиозного просвещения, оно не смогло сыграть «своей позитивной роли в предотвращении трагедии революции». Следовательно, современной церкви необходимо учитывать уроки истории и стремиться к тому, чтобы «Основы православной культуры» не превращались «в глазах детей в малоувлекательный и маловажный предмет» [1, с. 106]. Для того чтобы достичь этой цели, мало обрести «право на преподавание этого предмета» — необходимо решить целый комплекс вопросов, в том числе «проблемы методологии, учебных пособий, преподавательских кадров и множество иных» [1, с. 106]. Безусловно, в реализации этой программы есть определенные достижения, но при этом имеются и нерешенные проблемы, хотя важно подчеркнуть, что священноначалие их осознает и работает над их решением.

Одной из важных для патриарха тем является оценка современной реформы светского образования, происходящей в России. Он считает, что внедрение так называемой Болонской системы в отечественное образование будет оправдано лишь при условии, что это не понизит «общий уровень высшего образования». А это возможно лишь в том случае, если мы, вводя новое, в то же время сохраним то полезное, что «досталось нам в наследство от прошлого». Это тем более важно, что «Россия была и остается страной замечательной традиции народного образования», и даже несмотря на все искажения, связанные с духовной сферой, СССР «эту драгоценную традицию поддержал и приумножил» [6, с. 296–297].

Озабоченность главы Церкви вызывает также ориентация знаний учащихся на систему тестов как основное средство их оценки. По этой причине дети в школе «сейчас не столько получают знания (как раньше), сколько готовятся к ЕГЭ». Подобный подход приводит к тому, что теряется фундаментальность обучения, оно не создает «общей картины, общего видения, которые в старые времена называли мировоззрением, научной картиной мира». В результате среднее общее образование перестает давать по ряду важнейших отраслей базисные знания, на основе которых выпускник школы смог бы самостоятельно изучать нужную ему специаль-

ную литературу и источники, т. е. заниматься самообразованием. Патриарх Кирилл убежден, что для того, чтобы «сформировать гармоничную личность, нам нужно уравновесить ЕГЭ очень серьезным изменением школьных программ, направленным на создание у учащихся целостной научной картины мира» [6, с. 381]. Причем необходимо подчеркнуть: научная картина мира не противостоит религиозному мировоззрению, а органично сочетается с ним. Это только в СССР доказывали, что научные и религиозные убеждения несовместимы, а религиозность «является следствием необразованности». В действительности же религия и наука взаимодополняют друг друга, и поэтому церковь и образовательная система должны быть союзниками в сохранении высокого уровня отечественного образования, так как, подчеркивает патриарх, «разрушение школы — это разрушение потенциала нации» [6, с. 379].

Патриарх Кирилл также категорически не согласен с коммерциализацией образования, когда оно рассматривается лишь в качестве «рыночной услуги». С его точки зрения, подобный подход абсолютизирует значение денег, которые становятся решающим условием в получении образования, а последнее превращается в частное дело граждан, которые «могут его приобретать или не приобретать». Но опасность в том, что при таком подходе нивелируется роль государства, хотя в действительности «образование — это не частное дело людей, а сфера общественной жизни, от которой зависит существование общества и государства». Поэтому патриарх Кирилл считает, что рассмотрение образования как «сферы предоставления рыночных услуг» является «большой ошибкой» [6, с. 453].

Решающее значение для развития образования в России имеет статус педагога. В современном образовательном пространстве все большее значение приобретает Интернет, но он, как справедливо считает председатель РПЦ, не может «заменить реального опыта общения с педагогом». Последний не только передает знания — он должен уметь «правильно расставлять акценты, заинтересовывать детей, формировать образ». Образ — многослойное понятие, но в любом случае он предполагает преодоление разделения между учителем и учеником: без этого позитивного воздействия наставника быть не может. При этом «образ будет усвоен» в том случае, если он привлекателен, поэтому особые требования предъявляются к педагогу: и его внешность, и одежда, и манера говорить должны вызывать симпатию у учеников, но главное — ему необходима «прекрасная внутренняя жизнь». Иными словами, каждый «педагог должен быть подвижником», так как «от его внутреннего духовного и душевного состояния зависит успех его дела» [6, с. 346].

При этом, как считает патриарх, образование «работает по принципу двустороннего движения от педагога к учащемуся и от учащегося к педагогу». Следовательно, для эффективности процесса необходимы и активность учащихся, концентрация их усилий на получении новых знаний. Это тем более сложно, что в современных условиях у молодежи существует множество соблазнов, отвлекающих от «трудного пути в обучении», поэтому необходим «своего рода аскетизм, посредством которого вы воспитываете свою волю» [6, с. 347]. Только в этом случае молодой человек обретает свое развитие и успешно сдает «самый главный экзамен на гражданскую зрелость».

Наконец, еще одна проблема, волнующая патриарха Кирилла, когда он анализирует российское просвещение, — это материальное положение педагогов. Суще-

ствуется, с его точки зрения, в нашей стране определенное противоречие: с одной стороны, постоянно возрастает «роль интеллектуального фактора в определении содержания и качества жизни общества и отдельного человека», но с другой — преподаватели, от которых во многом зависит этот процесс, финансово «не в достаточной мере обеспечены». Поэтому их работа, «к сожалению, не всегда и не везде является престижной». В связи с этим глава церкви призывает государство «поддерживать наших преподавателей», так как «они делают поистине важнейшее дело»: ведь именно «в их руках находится судьба страны» [6, с. 297].

Итак, введение ЕГЭ как главного критерия успешности ученика, коммерциализация образования, низкий статус учителя — вот главные проблемы, которые справедливо вызывают беспокойство патриарха, и он призывает к определенной корректировке образовательного курса. Наконец, его позиция по сохранению отечественных образовательных традиций, по укреплению единства образовательного и воспитательного процесса также заслуживает всемерной поддержки.

Литература

1. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси (2014), *Собрание трудов. Сер. III: Богословие и духовное просвещение*, т. 1, М.: Изд-во Московской патриархии РПЦ.
2. Кирилл (Гундяев), митрополит (2002), Здесь зародилась Святая Русь, *Журнал Московской патриархии*, № 8, с. 70–78.
3. Кирилл (Гундяев), патриарх (2012), Миссия государства в поддержании правды, *Журнал Московской патриархии*, № 11, с. 20–23.
4. Кирилл (Гундяев), патриарх (2012), Первосвятительское слово в праздник иконы Казанской Божией Матери, *Журнал Московской патриархии*, № 12, с. 16–18.
5. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси (2015), *Семь слов о русском мире*, М.: Всемирный русский народный Собор.
6. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси (2015), *Собрание трудов. Сер. III: Богословие и духовное просвещение*, т. 2, М.: Изд-во Московской патриархии РПЦ.
7. Кирилл (Гундяев), патриарх (2010), Задача церкви — нести слово правды Божией, *Журнал Московской патриархии*, № 1, с. 30–37.
8. Кирилл (Гундяев), патриарх (2012), Высокая миссия православного просвещения, *Журнал Московской патриархии*, № 3, с. 38–42.
9. Кирилл (Гундяев), патриарх (2012), Слово церкви должно нести правду, *Журнал Московской патриархии*, № 2, с. 26–31.

Статья поступила в редакцию 4 августа 2020 г.;
рекомендована в печать 10 марта 2021 г.

Контактная информация:

Шапошников Лев Евгеньевич — д-р филос. наук, проф.; rectornnsu@rambler.ru

Philosophical and pedagogical views of the Patriarch of Moscow and All Russia Kirill (Gundyayev)

L. E. Shaposhnikov

Kozma Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University,
1, Ulyanova ul., Nizhniy Novgorod, 603005, Russian Federation

For citation: Shaposhnikov L. E. Philosophical and pedagogical views of the Patriarch of Moscow and All Russia Kirill (Gundyayev). *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 2, pp. 338–351. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.212> (In Russian)

The article analyses the historical and philosophical views of Patriarch Kirill and his evaluation of modern Western philosophy, formed in the era of postmodernism. A distinctive feature of that time is the blurring of the criteria that define the border between good and evil. According to the Patriarch, this approach is caused by the absolutization of a person's freedom, considered beyond the context of one's responsibility for the actions performed. As a result, the philosophy of liberalism justifies the rejection of the Christian commandments, since they are claimed to suppress one's personal freedom. Thus, the Patriarch emphasizes the importance of preserving the "Christian dimension" of a person's behavior. The present work pays special attention to the Patriarch's conceptualization of the Russian philosophical tradition, which is viewed as an important means to preserve national identity. Representatives of the Russian religious renaissance (S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev, V. V. Zenkovsky and others), reflecting on the understanding of the Church, society, personality, were able to meet the challenges of the time and satisfy questioning believers. The article focuses on the Patriarch's ideas related to educational issues and reforms. It is posited that educational innovations should be based on Russian traditions, namely on the fundamentality of education. In this respect, it is essential to realize that when introducing the unified state examination procedure as a universal system of students' assessment, pedagogues need to amend educational plans in order to include the development of learners' fundamental skills and knowledge. The Patriarch is opposed to the technocratic approach to education because the goal of education is reduced only to the formation of the skills necessary for work. He agrees that school graduates should possess certain competences related to their career, but they should know Russian history, literature, and culture at a sufficient level. The Patriarch's aspiration to preserve the unity of education and upbringing as a unique feature of the Russian educational process is accentuated.

Keywords: tradition, philosophy, liberalism, the Church, education, upbringing, pedagogue, reform, national.

References

1. Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia (2014), *Collected works, Ser. III: Theology and spiritual enlightenment, vol. 1*, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoi patriarkhii RPTS Publ. (In Russian)
2. Kirill (Gundyaev), Metropolitan (2002), Holy Russia was born here, *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, no. 8, pp. 70–78.
3. Kirill (Gundyaev), Patriarch (2012), Mission of the state in maintaining the truth, *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, no. 11, pp. 20–23.
4. Kirill (Gundyaev), Patriarch (2012), The Primate's word on the feast of the icon of the Kazan mother of God, *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, no. 12, pp. 16–18.
5. Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia (2015), *Seven words about the Russian world*, Moscow: Vsemirnyi russkii narodnyi Sobor Publ. (In Russian)
6. Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia (2015), *Collected works, Ser. III: Theology and spiritual enlightenment, vol. 2*, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoi patriarkhii RPTS Publ. (In Russian)
7. Kirill (Gundyaev), Patriarch (2010), The task of the Church is to carry the word of God's truth, *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, no. 1, pp. 30–37.
8. Kirill (Gundyaev), Patriarch (2012), High mission of Orthodox enlightenment, *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, no. 3, pp. 38–42.
9. Kirill (Gundyaev), Patriarch (2012), The word of the Church must carry the truth, *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, no. 2, pp. 26–31.

Received: August 4, 2020

Accepted: March 10, 2021

Author's information:

Lev E. Shaposhnikov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; rectornnspu@rambler.ru